

Т.И. Стексова
Новосибирск

**Авторизация в научном тексте как проявление
коммуникативной компетенции**

Принято считать, что коммуникативная компетенция – это успешная коммуникативная деятельность на основе усвоенных средств и стратегий речевого общения, подкрепляемых языковыми навыками и речевыми умениями. Если под коммуникативной компетенцией понимать способность реализовывать лингвистическую компетенцию в различных условиях речевого общения, с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания, то возникает вопрос, каким образом формируется эта лингвистическая компетенция, от чего зависит ее формирование.

Как известно, любой коммуникативный акт совершается с учетом ролевого репертуара и иерархии ролей коммуникантов, роли личности определяют речевые и неречевые умения и навыки, сформированные у личности [Тарасов, 1977]. По мнению К.Ф.Седова, «статусно-ролевое общение основано на ожиданиях того, что языковая личность будет соблюдать речевые нормы, свойственные ее положению в обществе и определяемые характером взаимоотношений с собеседником» [Седов, 2004, с.82]. Итак, мы строим свое речевое поведение в соответствии с тем, что предписано нам нормами, с тем, чего ждут от нас адресаты.

Проиллюстрируем это утверждение анализом научных текстов, так как научная речь наиболее регламентированная, в ней очень ярко проявляются социальные стереотипы. В значительной мере это проявляется в способе обозначения авторской позиции. По наблюдениям Н.С.Валгиной, в настоящее время в литературе нет единого мнения относительно возможности проявления личности автора в научном тексте. Она выделяет два подхода к этому вопросу. С одной стороны, считается, что предельная стандартность литературного оформления современных научных текстов приводит к их безликости, нивелировке стиля. В другом случае такая категоричность в суждениях отрицается и признается возможность проявления авторской индивидуальности в научном тексте, и даже непременность такого проявления»

[Валгина, 2003]. Нет единого мнения, в частности, и о том, какую форму местоимения, «я» или «мы», следует использовать автору научного текста. Так, в материале о том, как надо работать над текстом диссертации, утверждается, что «диссертация – работа сугубо авторская, личная, поэтому все в ней сказанное, написанное – это авторское, следовательно, «я». Местоимение «мы» как бы говорит о скромности автора, но возникает вопрос: «кто мы»? – это может быть автор и его научный руководитель/консультант, может быть научный коллектив и т.д. Когда представляется личный труд, каковым является диссертация, никакой неточности не должно быть. Вполне логично представлять научные результаты коллектива через местоимение «мы», также логично представлять свою работу через «я». При представлении диссертации «мыкание» производит не лучшее впечатление, хотя каждый понимает, что здесь делается попытка выглядеть поскромнее» [Знание. Понимание. Умение, URL: <http://www.zpu-journal.ru/asp/thesis/work/>]. Так же считает и А.К. Скворцов, выдвигая в качестве аргумента следующее рассуждение: «...речь идет о научном языке, где первое требование – ясность и точность. Кто сообщает тот или иной факт, кто ручается за его достоверность, кто автор того или иного суждения? Если автор прячется под **мы**, возникают смехотворные, неграмотные речевые обороты, вроде: *не будучи специалистом, мы воздерживаемся от суждения ...*» [Скворцов, 2002].

Прямо противоположное мнение выражает Ю.Г. Волков: «Стиль диссертации – это стиль безличного монолога, лишенного эмоциональной и субъективной окраски. Не принято использовать местоимение первого лица единственного числа «я», точку зрения автора обычно отражает местоимение «мы», например: «нами установлено», «мы приходим к выводу» и т.д. Благодаря такому стилю создается впечатление, что мнение автора как бы имплицитно подкрепляется мнением стоящих за ним людей – научного коллектива, школы или направления. Кроме того, такая подача текста выглядит скромнее, позволяя автору не выдвигать себя на первый план» [Волков, 2001, URL: <http://dis.finansy.ru/publ/volkov/011.htm>]. Этую точку зрения разделяют Н.С.Валгина [2003], П. Битюков [2009, URL: <http://technomag.edu.ru/doc/114398.html>], Л.А.Пронина и Н.Е.Копытов

[2006] и многие другие. Но и сторонники данной точки зрения отмечают, что «нагнетание в тексте местоимения «мы» производит малоприятное впечатление» [Магистерская диссертация как вид научного произведения, URL: <http://masters.donntu.edu.ua/method/mastdiss/44.htm>]. Чтобы этого избежать, ученые предлагают использовать конструкции, исключающие употребление местоимений: неопределенno-личные, безличные, страдательные. Это представляется им оправданным и разумным, так как сам автор очевиден из ситуации и упоминание о нем обычно является излишним.

В связи с наличием прямо противоположных мнений по этому вопросу интересным показалось проверить, какую же форму выражения авторства предпочитают современные авторы научных трудов, чем мотивируется их выбор. Для этого был проведен опрос: преподавателям университета и студентам-филологам 4-5 курсов было предложено ответить: какую форму выражения авторства выбирают они при написании научной работы и почему. Из двадцати опрошенных преподавателей шестнадцать (80%) безоговорочно назвали форму местоимения множественного числа «мы». Основной аргумент – традиционное использование, стилистическая норма. В качестве дополнительных аргументов указывали на то, что *свои выводы делают, основываясь на опыте предшественников; что им неловко «якать»; «мы» создает объективность, «я» кажется неприличным; форма «мы» снижает ответственность*. Большинство из них также ответили, что предпочитают безличную форму с незамещенной позицией субъекта (*представляется, что..., важным кажется*) или форму третьего лица (*автор данной работы считает...*). Из четырех, выбравших форму «я», один отметил, что общепринятое «мы» при научной полемике он всегда заменяет местоимением «я». Другой считает, что «мы – устаревшая форма, совершенно невозможная в устном научном дискурсе», третий дополняет, что «удобно говорить / писать «я», если речь идет об эксперименте, проведенном индивидуально». И четвертый опрошенный отмечает, что «мы», в его представлении, очень нескромно, как «Мы, Николай Второй...». Из сорока семи опрошенных студентов тридцать восемь выбрали форму множественного числа «мы». Причем мотивировка

этого предпочтения двоякого рода: восемнадцать человек (38%) считают, что подобная форма – это соответствие требованиям, норме научного стиля: «*это общепринятое правило*», «*так принято в научных кругах*», «*такая форма звучит корректнее*», «*якать – неприлично*», «*потому что так учили*». Примечательно, что один из этих восемнадцати студентов отметил, что «*раньше никогда об этом не задумывался*», а другой признался, что «*пишет «мы», т.к. это принято, но хотелось бы выбрать «я», т.к. исследование, научную работу выполняю я*». Один из студентов, употребляющих форму местоимения во множественном числе, считает, что «*использование формы «я» предполагает авторитетность в науке и наличие собственного стиля*». Двадцать студентов, выбравших форму «мы», аргументируют это тем, что работа, по большому счету, принадлежит не только им, но и их научным руководителям, а также отмечают, что в своих изысканиях они опираются на работы предшественников: «*это во многом не только мой личный труд, но и научного руководителя*», «*эту работу я пишу не одна, а мне помогает преподаватель и научные книги, это совместная деятельность*», «*авторство не будет полностью принадлежать мне*», «*научный руководитель участвует в написании работы*». Как следует из этих ответов, «мы» студентами используется в прямом значении: я и другие. Два человека из этой группы считают, что, используя данную форму местоимения, они вовлекают в научный процесс своего читателя: «*мы как бы включаем в ход своих мыслей и рассуждений читателя*», «*читателю лучше воспринимать, он становится участником исследования*». Девять студентов категорично выбирают форму единственного числа, мотивируя это тем, что «*это работа авторская, и для выражения собственной позиции, на мой взгляд, нужно выбрать форму «я», это более четко и уверенно*», «*в научной работе я доказываю свою точку зрения*», «*пишу самостоятельно и выражаю свое личное мнение*».

Итак, результаты анкетирования показывают, что 80% преподавателей и 38% студентов считают, что «мы» – это традиционная форма обозначения авторства в научной речи. Причем более устойчиво этот стереотип сформирован у преподавателей,

опыт которых в создании научных текстов, конечно, больший, чем у студентов.

Как справедливо замечал А.А.Леонтьев, «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, **социальных стереотипов**, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда **этнически обусловлено...**» (выделено нами – Т.С.). [Леонтьев 2004, с.128]. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли стереотип выражения авторства местоимением «мы» – это проявление этнической обусловленности? Как оказалось, это не совсем так. В научных трудах российских ученых конца 19 – начала 20 вв. вполне употребительно местоимение «я». Посмотрим ряд примеров: *Когда я говорю сижу за столом, я не имею в мысли совокупности раздельных признаков видения, стола, пространственного отношения за и пр. <...>. Я не имею при этом в мысли и живого образа себя в сидячем положении и стола...* (А.А. Потебня). *Ставя вопрос, я заявляю, чтобы не было никаких недоразумений, что признаю, ибо должен признать, зависимость психологических процессов от физиологического субстрата* (И.А. Бодуэн де Куртенэ). *Я говорил до сих пор об условиях психических, духовных, препятствующих действительному воспроизведению в данный момент известного духовного явления, по закону психической ассоциации, но условия, препятствующие проявлению действия этого закона, могут быть также и физические* (Ф.Ф. Фортунатов). *Я буду называть процессы говорения и понимания «речевой деятельностью»...* (Л.В. Щерба). *Что такое языковая система? По-моему, это и есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала* (Л.В. Щерба). *Все, о чем я говорил до сих пор, касается той стороны литературно-языкового идеала, которая определяется понятиями «правильного» и «неправильного»* (А.М. Пешковский). *Я имею в виду психологический иммунитет или невосприимчивость воспринимающего субъекта к тому или иному типу художественного, литературного и научного творчества...* (С.О. Груzenберг).

Эти примеры можно было бы дополнить аналогичными, однако важно обратить внимание на тот факт, что в текстах этих

ученых также встречается и местоимение «мы». Но такая форма номинации употребляется лишь в тех случаях, когда речь идет об общезвестных фактах, доступных многим, либо «мы - инклузивное» употребляется в целях объединения автора и адресатов, как способ активизации их восприятия. В подобных случаях «я» как способ выражения своей собственной точки зрения естественным образом заменяется на «мы». Ср.: *Наш собеседник может говорить плоско, худосочно, неизобразительно, растянуто, неточно даже – мы со всем этим будем мириться. Но если он будет говорить непонятно, мы просто прекратим разговор. Мне могут возразить, что понятность требуется и в естественной речи...*(А.М. Пешковский). Язык, как *мы* знаем, существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи, как в выражении мысли... (Ф.Ф. Фортунатов).

Итак, в русской научной традиции местоимения «я» и «мы» употреблялись в своем прямом значении. Когда же сложился стереотип выражения своей авторской позиции с помощью местоимения во множественном числе? Представляется, что начало этого процесса приходится на 30-е годы 20 столетия, в дальнейшем в годы Советской власти этот процесс поддерживался и насаждался. Местоимение «я» еще встречается в трудах Л.С. Выготского, умершего в 1934 г, но довольно редко и только в ситуации научной полемики для усиления категоричности своей авторской позиции, во всех остальных случаях употребляется «мы». Ср.: *Мы начали наше исследование с попытки выяснить внутреннее отношение, существующее между мыслью и словом на самых крайних ступенях фило- и онтогенетического развития* (Л.С. Выготский). *Нам* думается, что ошибкой педагогической защиты этой системы является не то, что она опиралась на ложные факты но то, что она ложно ставила *самый вопрос* (Л.С. Выготский). *Мы* уже говорили выше, что величайшим недостатком всех проведенных до сих пор исследований в этой области, в том числе и исследования Эпштейна, является методологическая и теоретическая несостоятельность тех предпосылок, в свете которых эти авторы ставят и изучают интересующий нас вопрос. (Л.С. Выготский).

Вполне очевидно, что в данных фрагментах местоимение не имеет инклузивного значения, оно обозначает конкретного

единичного автора исследования, т.е. заменяет собой местоимение «я». Примеры с местоимением «я» крайне единичны: *Как ни кратко и схематично я изобразил особенности ребенка дошкольного возраста, все же, мне кажется, легко видеть, что то основное определение, которое я дал в начале доклада своеобразию программ для детского сада, подтверждается этими особенностями ребенка дошкольного возраста* (Л.С. Выготский). *Но еще большие искажения претерпевает при этом фрейдизм. Я не говорю уже о лишении его механическим способом центральной идеи, как то делает А.Б. Залкинд ...* (Л.С. Выготский). В трудах Выготского все чаще используются безличные конструкции с незамещенной позицией субъекта: *Было бы ошибкой сказать*, что она изучает понятия, а не отраженную в этих понятиях действительность, *как было бы ошибкой сказать об инженере, изучающем чертеж машины, что он изучает чертеж, а не машину, или об анатоме, изучающем атлас, что он изучает рисунки, а не скелет человека; Нечего и говорить, что аннексия психологических областей производится так же безапелляционно и мужественно*. В научном дискурсе других российских исследователей 20 века местоимение «я» полностью исчезает (см., например, публикации А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Ф. Лосева, А.А. Леонтьева и мн. других), уступая место местоимению «мы», безличным конструкциям с незамещенной позицией субъекта, страдательным конструкциям, а также тенденции выражать авторскую позицию от 3 л.: *автор данного исследования полагает...* Таким образом, можно предположить, что обсуждаемый стереотип окончательно сложился ко второй половине 20 в. Основанием этому послужили, вероятнее всего, экстравергентистические, точнее, идеологические, факторы. Как известно, в годы Советской власти отдельный человек воспринимался лишь как винтик в государственной машине, не могущий иметь своего собственного мнения, а обязанный выполнять волю «партии и правительства». Наука рассматривалась как дело коллективное, роль конкретного ученого преуменьшалась, любое научное достижение расценивалось как итог коллективного труда. Так, Пумпянский писал, что если в XVI в. научное творчество носило индивидуальный характер, то в наш век прогресс науки и техники возможен лишь в результате коллектив-

ных усилий ученых и инженеров, которые воспринимают свои работы не только как плод индивидуального творчества, но в основном как посильный вклад в усилия большого числа людей (Пумпянский, 1982: 20). Соответственно, «яканье» в науке стало считаться неприличным, по крайней мере, нескромным. К тому же, немаловажным фактором является и наличие «железного занавеса» в Советском Союзе, некоторая оторванность советской науки от мирового научного процесса. Все это способствовало тому, что для выражения авторизации в научном тексте прочно выработался стереотип использования местоимения «мы» в качестве эквивалента местоимению «я», а также безличных и страдательных конструкций с нулевой позицией субъекта как показатель «скромности» ученого.

Как же обстоит дело с выражением категории авторизации в сегодняшней науке? Возвращаясь к анкетированию студентов и преподавателей, напомню, что 20% преподавателей и 19% студентов выбрали форму «я». Что представляет собой этот отказ от стереотипа: исключение из общего правила или отражение формирования новой тенденции?

Представляется, что возвращение в научный дискурс местоимения «я» обусловлено изменениями в социальной жизни россиян, что подобного количества «исключений» не могло быть до начала перестройки. Падение «железного занавеса», интеграция российской науки в мировой научный процесс, доступность зарубежных научных источников, возможность публиковать свои труды за рубежом и мн. др. привели к признанию индивидуальных заслуг ученого, к повышению самооценки. Это не могло не отразиться на языковых особенностях научного стиля. В рекомендациях, как перевести научный труд с русского языка на английский для публикации в зарубежных журналах, прямо диктуется, что местоимение «мы» следует заменить местоимением «I» или притяжательной формой «те». Эту же тенденцию отмечает А.К. Скворцов: «...зарубежные руководства по стилю и языку научных трудов (а их издано немало, особенно в Америке) и редакторы (говорю по собственному опыту) решительно проводят линию в пользу я» [Скворцов, 2002]. Все чаще на научных конференциях доклады делаются от первого лица единственного числа и даже в официальных отзывах научных

оппонентов эта форма и форма притяжательного местоимения в ед.ч. получили право на существование. Ср.: *Не вполне предсказуемой, а потому наиболее оригинальной и интересной частью работы мне представляется третья глава исследования ...* (М.Ю. Федосюк); *На мой взгляд, результаты исследования <...> необходимо использовать при построении обновленного, ориентированного не на формальные классификации, а на функциональное описание языка вузовского учебного курса «Современный русский язык»* (М.Ю. Федосюк); *Если я не выскажу в своем отзыве никаких критических замечаний, то не только нарушу законы построения жанра рецензии, но и, возможно, вызову подозрения в поверхностном ознакомлении с работой* (М.Ю. Федосюк); *Мне кажется очень важным объединение в исследовании двух жанров в их, как автор выражается, диалогическом единстве* (Т.В. Шмелева); *Достоинством работы я считаю рассмотрение обвинения в ряду жанров, которые автор называет смежными, или семантико-функциональными синонимами – осуждение, порицание и упрёк* (Т.В. Шмелева); *Я бы отметила особую роль этой диссертации в актуализации наиболее острых и нерешенных вопросов теории речевых жанров* (Т.А. Трипольская).

Таким образом, можно предположить, что наблюдается «слом» прежнего стереотипа и возможное формирование нового.

Литература

Битюков П. Оформление и публикация результатов исследования. Выступления на научных мероприятиях // Наука и образование: электронное научно-техническое издание. № 2. 2009. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/114398.html> (дата обращения: 25.02.2011).

Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003.

Волков Ю.Г. Диссертация. Подготовка, защита, оформление. Практическое пособие. 2001. // В помощь аспирантам [Электронный ресурс]. URL: <http://dis.finansy.ru/publ/volkov/011.htm> (дата обращения: 25.02.2011).

Как писать научные тексты: примеры научного стиля с пояснениями // Хроники детерминированности [Электронный ресурс]. URL:

http://svyatoslav.biz/education/scientific_text_howto/ (дата обращения: 25.02.2011).

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. – М., Воронеж, 2004.

Магистерская диссертация как вид научного произведения // Магистратура Донецкого национального технического университета [Электронный ресурс]. URL: <http://masters.donntu.edu.ua/method/mastdiss/44.htm> (дата обращения: 25.02.2011).

Организация работы над диссертацией // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/asp/thesis/work/> (дата обращения: 25.02.2011).

Особенность технического перевода научных текстов авиационной тематики. Методические указания по дисциплине «английский язык» для студентов дневной формы обучения специальности 16020165 / Сост. М. А. Морозова. Ульяновск, 2005. [Электронный документ]. Систем. требования: Acrobat Reader. URL: http://venec.ulstu.ru/lib/v9/Morozova_1.pdf (дата обращения: 25.02.2011).

Пронина Л.А., Копытов Н.Е. Научные и учебные издания: типология и технология создания. Практическое руководство. – Тамбов, 2006.

Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1981

Рекомендации EASE (Европейской ассоциации научных редакторов) для авторов и переводчиков научных статей, которые должны быть опубликованы на английском языке // EASE [Электронный ресурс]. Систем. требования: Acrobat Reader. URL: http://www.ease.org.uk/pdfguidelines/EASE_Guidelines-June 2010Russian.pdf (дата обращения: 24.02.2011).

Седов К.Ф. Дискурс и личность. – М., 2004.

Скворцов А.К. О языке современной русской научной литературы // Природа. №5. 2002 // VIVOS VOCO [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NATURE/05 02/LANGUAGE.HTM> (дата обращения: 24.02.2011).

Тарасов Е.Ф. Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики// Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

©Стексова Т.И., 2011